

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ РЕЖИМНАЯ СРЕДА?

В статье на основе данных проекта «World Values Survey» проведен сравнительный анализ политических и социокультурных установок населения в разных режимных типах. Главная находка исследования состоит в том, что население не авторитарных, а гибридных режимов отличается более высоким уровнем авторитарных установок. Из этого следует, что эволюция общественного сознания не является линейно-поступательной, но имеет более сложную траекторию развития. Таким образом, тезис теории институционального обучения, согласно которому демократические институты могут влиять на политическое сознание и формировать демократические установки, верен и применительно к недемократическим режимам, но с противоположными последствиями.

Ключевые слова: политическое сознание, политические режимы, институты, авторитаризм.

S. N. SHKEL

THE EVOLUTION OF POLITICAL CONSCIOUSNESS OF CONTEMPORARY SOCIETY: DOES REGIME MATTER?

Using project data «World Values Survey» article presents a comparative analysis of the political consciousness of societies in different regime types. The main finding of the study is that the population of hybrid regimes rather than authoritarian, characterized by higher levels of authoritarian attitudes. This implies that the evolution of social consciousness is not a linear-progressive, but has a more complex trajectory of development. Thus, the thesis of institutional learning theory can be considered true not only in democratic institutions, but also in relation to non-democratic regimes, but with opposite effects.

Keywords: political consciousness, political regimes, institutions, authoritarianism.

В сентябре 1991 г. президент Узбекистана И. Каримов говорил, что узбекское общество не готово для демократии и он не станет проводить политические реформы: «Может быть в других частях СССР, в Прибалтике или Москве люди способны часами мирно вести себя на демонстрациях, но здесь люди быстро возбуждаются, начинается насилие» [Известия, 1991, с. 1]. Ссылки на неразвитость политического сознания населения являются

одними из самых распространенных аргументов современных авторитарных лидеров для объяснения их нежелания проводить политические реформы и способствовать демократизации. Однако насколько представления властвующих политиков об уровне развития народа соответствуют реальности? Действительно ли недемократические режимы опираются на авторитарные установки большинства населения?

В социальных науках сформировалась мощная интеллектуальная традиция исследования политической культуры и массового сознания, в рамках которой устойчивость авторитарных режимов или демократические переходы объясняются эволюцией социально-культурных ценностей социума [Almond, Verba, 1963; Putnam, 1993; Inglehart, Welzel, 2005]. С другой стороны, с момента выхода в свет работы Д. Растоу [Rustow, 1970] появилось альтернативное направление в исследовании причин режимных транзитов, указывающих на важную роль политических субъектов, процедурные решения которых могут осуществляться независимо от массового политического сознания и обуславливать режимные переходы вне рамок каких-либо структурных ограничений [O'Donnell, Shmitter, 1986]. Более того, последователи процедурно-агентского подхода выдвинули тезис, согласно которому демократические атрибуты массового сознания не только не определяют демократический переход, но, напротив, сами являются продуктом функционирования демократических институтов. Следовательно, именно демократия является предварительным условием рождения демократических ценностей, а не наоборот [Muller, Seligson, 1994; Hadenius, Teorell, 2005].

Между тем, дискуссия о причинно-следственных связях между массовыми ценностями и политическими институтами в основном затрагивает аспекты, связанные с проблематикой демократизации, оставляя на периферии внимания вопросы развития массовых аттитюдов в условиях гибридных или авторитарных режимов [Dahlum, Knutsen, 2015]. Если, как утверждают авторы эмансипационной теории демократии, ценности

самовыражения под воздействием экономических факторов возникают в любых типах режимов [Inglehart, Welzel, 2005], является ли этот процесс линейным или он имеет более сложную траекторию, деформируясь под воздействием усилий авторитарных лидеров или влияния гибридных режимных характеристик?

Целью настоящей статьи является поиск ответов на эти вопросы с помощью анализа социологических данных исследовательского проекта «World Values Survey».

Данные и исследовательский дизайн

В настоящем исследовании используются результаты опросов шестой волны (2010 –2014) проекта «World Values Survey», которые включают в себя данные по 61 стране. Для тестирования гипотезы о наличии взаимосвязи между политическими идеалами общества и существующей формой политического устройства все случаи разделены на три группы по характеру политического режима: демократические, гибридные и авторитарные. Градация случаев по типу политического режима осуществлялась на основе ранжирования стран по уровню свобод согласно данным аналитического центра «Freedom House». Данные о выборке и градации случаев по типу политического режима представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение случаев по типам политических режимов

№	Демократии (n =24)	Гибридные режимы (n=19)	Авторитарные режимы (n=10)
1	Аргентина	Армения	Алжир
2	Австралия	Колумбия	Азербайджан
3	Бразилия	Эквадор	Китай
4	Кипр	Египет	Ирак
5	Чили	Грузия	Иордан
6	Эстония	Гонконг	Казахстан
7	Германия	Кыргызстан	Россия
8	Гана	Ливан	Руанда
9	Индия	Ливия	Йемен

10	Япония	Малайзия	Зимбабве
11	Нидерланды	Мексика	
12	Новая Зеландия	Марокко	
13	Перу	Нигерия	
14	Польша	Пакистан	
15	Румыния	Филиппины	
16	Словения	Таиланд	
17	Южная Корея	Тунис	
18	Южная Африка	Турция	
19	Испания	Украина	
20	Швеция		
21	Тайвань		
22	Тринидад и Тобаго		
23	США		
24	Уругвай		

Сравнительный анализ массового сознания указанных групп стран осуществлялся сквозь призму семи измерений, для каждого из которых был сконструирован специальный индекс на основе отобранных и тематически близких друг другу вопросов социологической анкеты. Индекс представляет собой расчет среднего значения от суммы всех ответов на вопросы. Первые три измерения относятся к политической составляющей общественного сознания и включают в себя: 1) интерес к политике; 2) уровень политического участия; 3) индекс авторитарных установок. Остальные четыре измерения связаны с социокультурными установками и нацелены на выявление уровней: 1) религиозности; 2) межличностного доверия; 3) ксенофобии; 4) одобрения принципов гендерного равенства. Кроме того, отдельно сравнивались вопросы, связанные с пониманием сущности демократии.

Политические и социокультурные установки населения в разных режимах

Ответы респондентов на вопросы, нацеленные на измерение уровня интереса населения к политике, свидетельствуют о минимальной разнице этого параметра между разными режимами. Так, например, общий индекс

интереса к политике в демократиях ненамного выше, чем в авторитарных режимах: 44,1 против 41,2. При этом в гибридных режимах население предстает как наиболее политизированное (индекс = 46,6). Однако в целом разница между режимами по этому показателю не слишком велика.

Несколько более значима разница между режимами по параметру политической активности граждан. Согласно данным, в демократиях люди более активно прибегают к акциям прямого действия от подписания петиций до участия в мирных протестных шествиях. Общий индекс политической активности = 21,9. Несколько ниже этот показатель у гибридных режимов - 18. Наименьшее значение этого показателя у авторитарных государств - 15,1. Таким образом, интерес к политике далеко не всегда трансформируется в политическую активность. Можно предположить, что это связано с влиянием режимной среды. В авторитарных режимах, где цена издержек участия в протестных акциях существенно выше, люди вполне рационально делают выбор в пользу пассивности, в отличие от обществ с демократической политической системой [Kuran, 1991].

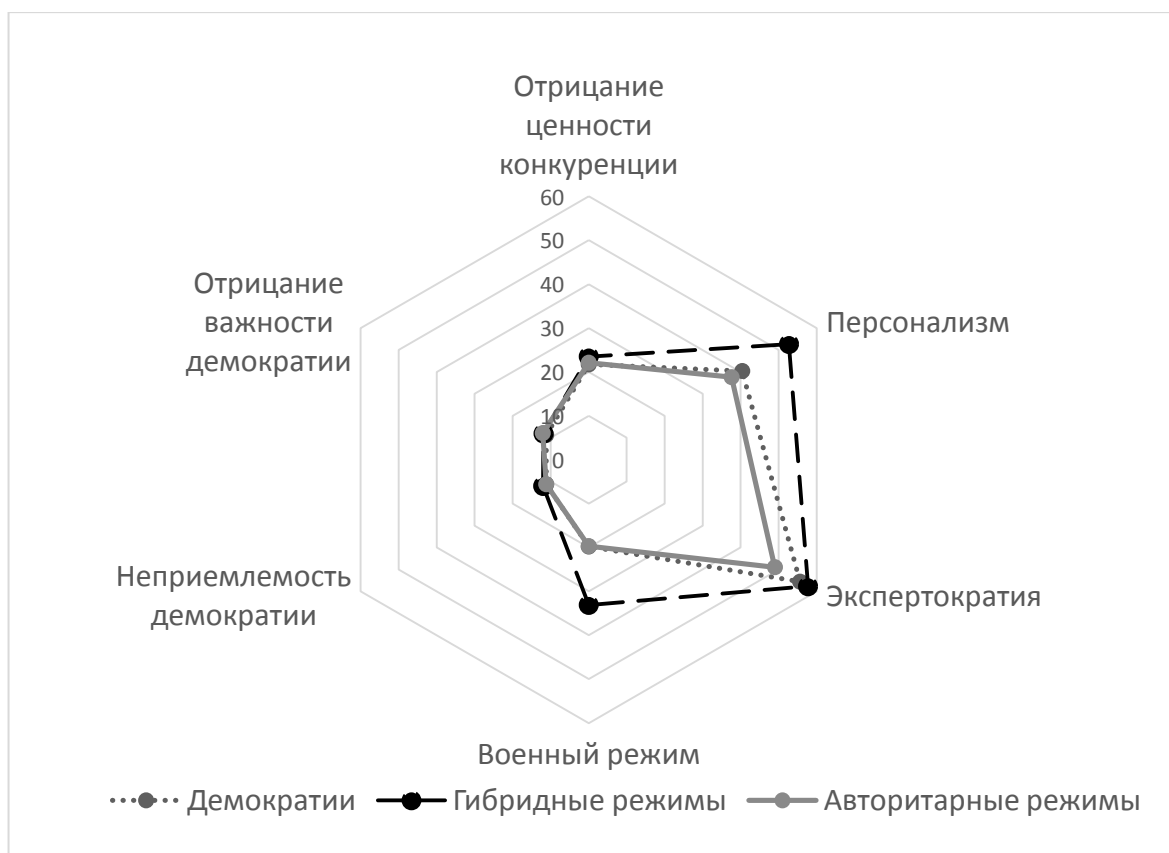
Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее существенная разница между режимами заметна по параметру участия в подписании петиций. Если в демократиях почти треть опрошенных участвовали в подобной форме политического активизма, то в гибридных режимах таковых почти в три раза меньше (10,4%), а в авторитарных режимах всего 7,4%. Р. Инглхарт и К. Вельцель относят именно данную форму политического участия к маркеру, характеризующему развитость ценностей самовыражения и эмансипации от власти [Inglehart, Welzel, 2005, p. 81]. Представленные данные подтверждают, что политическое поведение граждан в разных режимах имеет специфику. Однако сам факт наличия этой специфики еще не говорит о том, что она обусловлена определенной системой политических установок населения. Можно ли утверждать, что в недемократических режимах проживают граждане с более авторитарным сознанием?

Для ответа на этот вопрос я сравнил режимы по параметру индекса авторитарных установок населения. Полученные результаты позволяют сказать, что между демократиями и авторитарными режимами эта разница почти отсутствует. Если в демократиях индекс равняется 26,6, то авторитарные страны показывают значение 25,2.

Несколько более высокий уровень авторитарных установок заметен у стран с гибридными режимными формами, среди которых данный индекс равняется значению 31,8. Как видно на рисунке 1, оценки респондентов элементов, составляющих индекс авторитарных установок, между демократиями и авторитарными режимами отличаются несущественно.

Рисунок 1

Оценка респондентами элементов, составляющих индекс авторитарных установок

Куда более заметна разница в сравнении с гибридными режимами. Это различие особенно ярко проявляет себя в оценках приемлемости персональной власти лидера и опоры на управление военных. Между тем, как уже замечено в ряде исследований [Beetham, 2009; Mattes, 2007; Klingemann, 2014], сама по себе высокая оценка демократии со стороны респондентов не всегда означает ее поддержку на практике просто потому, что разные люди могут очень противоречиво понимать саму сущность демократических ценностей и ключевых признаков демократического правления. В связи с этим весьма важным представляется обзор представлений людей о том, какие из признаков политической системы они относят к демократическим.

Сравнительный анализ данных обнаруживает как общие, так и специфические нюансы в понимании сущности демократии у обществ с разными политическими режимами. Практически нет разночтений в оценке таких атрибутов, которые можно условно отнести к либеральной модели демократии. Подавляющее большинство почти во всех странах, независимо от типа политического режима, считает существенными элементами демократического правления наличие свободных выборов, гражданских свобод и равенства прав между мужчинами и женщинами. Индексы по этому параметру у всех режимов имеют почти равные значения и находятся в диапазоне от 74,2 до 78,1.

Некоторая специфика наблюдается в оценке элементов, которые можно отнести к социальной модели демократии. В отличие от демократий, люди в гибридных и, в особенности, в авторитарных режимах более склонны под существенными признаками демократической системы считать выполнение государством социальных обязательств, направленных на реализацию имущественного равенства и гарантий минимальных социальных благ. Так, индекс оценки социальной модели демократии среди демократических режимов равен 57,3, в то время как среди гибридных режимов – 61,3, а среди авторитарных – 66,3. Более высокая поддержка ценностей социальной

справедливости в недемократических режимах, вероятно, объясняется наличием в них более острой проблемы бедности [Voix, Stokes, 2003].

Однако наиболее существенная разница в понимании ключевых признаков демократической системы наблюдается в оценке таких характеристик управления, которые в нормативном смысле не могут пониматься как демократические и скорее означают переход к авторитарным практикам. Речь идет о трех признаках, которые условно объединены понятием «Демократия под опекой». Так, возможность трактовать законы религиозными авторитетами считают признаком демократической системы только 21,9% респондентов, проживающих в демократиях. В авторитарных режимах так считают 32,7% опрошенных, а в гибридных режимах – 38,7%. Вмешательство армии в политику рассматривают как вполне демократическую меру 27,3% респондентов в демократиях и значительно больше в недемократических режимах. В авторитарных режимах так считают 38,1% опрошенных, а в гибридных режимах – 40,3%. Примерно такая же разница между режимами существует в оценке подчинения граждан своим правителям. Как существенный элемент демократического правления этот параметр назвали 45,5% респондентов, проживающих в демократиях, 59% – в гибридных режимах и 62% в авторитарных.

Таким образом, несмотря на общую декларативную поддержку населением демократических ценностей, само понимание сущности демократии существенно отличается в зависимости от типа режима. В авторитарных и гибридных режимах население больше симпатизирует социальной модели демократии, чем это наблюдается в демократиях. В этих же режимах граждане в большей мере демонстрируют непонимание нормативной сущности демократии и готовы поддержать атрибуты, которые скорее характеризуют авторитарное правление. Это касается роли религиозных авторитетов и военных во влиянии на принятие политических решений. Однако можно отметить, что уровень поддержки

антидемократических элементов в гибридных режимах более высок, чем в авторитарных.

Согласно эмансипационной теории демократии важнейшим условием успешной демократизации является распространение среди населения ценностей самовыражения, ключевыми элементами которых, являются рациональность, межличностное доверие, устремления к гендерному равенству и толерантности [Inglehart, Welzel, 2005, p. 81]. Ниже представлен анализ режимов с точки зрения доминирующих на уровне общественного сознания социокультурных установок, проведенный по четырем измерениям с помощью расчета индексов доверия, религиозности, восприятия гендерного равенства и уровня ксенофобии.

Расчет индекса доверия в демократиях и авторитарных режимах показывает, что их значения почти равнозначны: 48,9 и 49,1 соответственно. Несколько ниже показатель аналогичного индекса в гибридных режимах, равный 45. Особенно значительна эта разница, когда респонденты отвечают на самую общую формулировку вопроса: «Большинству людей можно доверять или скорее с ними нужно быть очень осторожными?». Лишь 16% респондентов в гибридных режимах склонны доверять людям, в то время как в демократиях таковых 27,6%, а в авторитарных режимах – 28,9%. Как видно, уровень доверия в авторитарных режимах даже более высок, чем в демократиях.

Гибридные режимы значительно отличаются и по уровню религиозности. Если значения индекса религиозности в демократиях и авторитарных режимах приблизительно сопоставимы (54 и 56,9 соответственно), то в гибридных режимах аналогичный показатель значительно выше и равняется 70,1.

Более близки друг другу гибридные и авторитарные режимы по таким параметрам как уровень ксенофобии и гендерного равенства. Так, значение индекса нетерпимости к представителям иных культур или сексуальным меньшинствам в демократиях равняется 26,9, в то время как в авторитарных

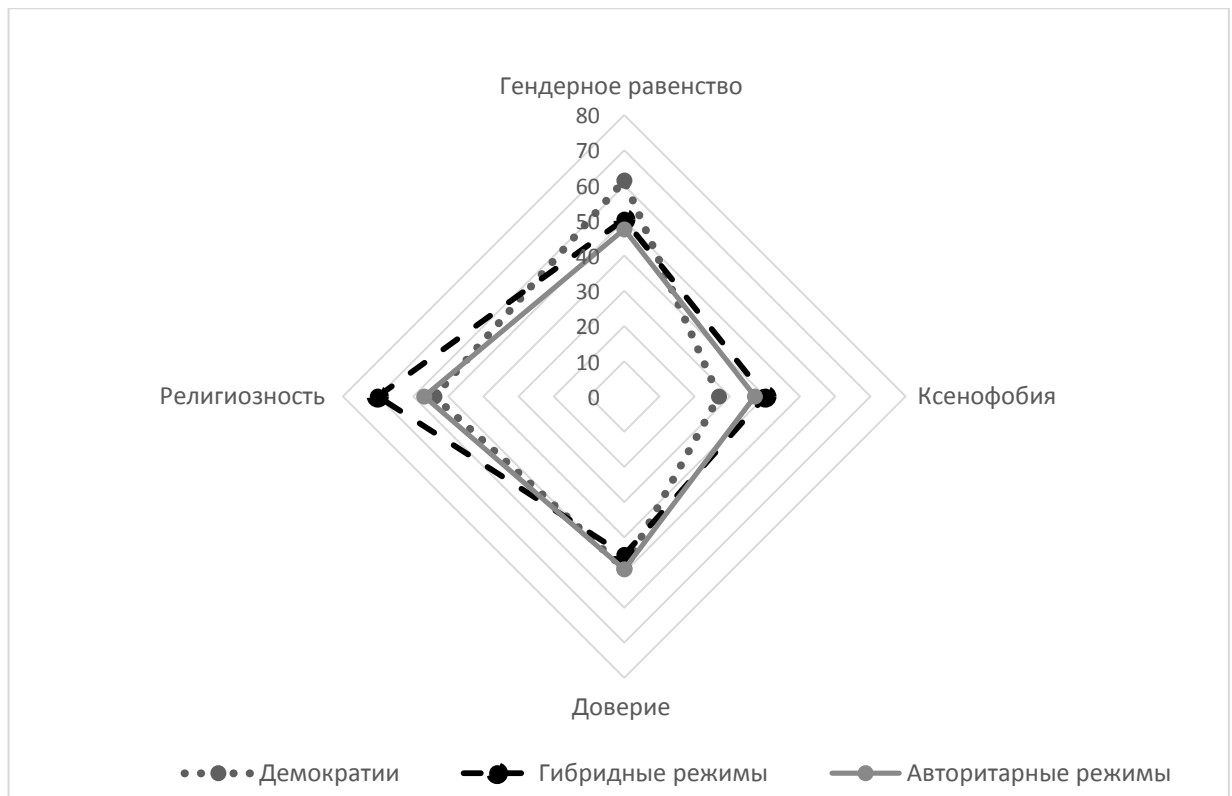
режимах аналогичный показатель имеет значение 37,1, а в гибридных режимах – 40,1.

Демократии характеризуются более высоким уровнем симпатий населения к ценностям гендерного равенства. Индекс этого параметра в демократиях равняется 61,4, в то время как в авторитарных режимах этот индекс составляет 47,5, а в гибридных режимах – 50,3.

Таким образом, с точки зрения социокультурных параметров массовое сознание в разных типах режимов характеризуется достаточно значимой спецификой. Это в особенности касается таких параметров как религиозность, ксенофобия и гендерное равенство. Население, проживающее в демократических режимах, демонстрирует существенно более высокий уровень межкультурной терпимости и восприятия принципов гендерного равенства. Вместе с тем, как и в случае анализа политических установок, более архаичные ценностные нормы свойственны не столько авторитарным режимам, сколько гибридным. Последние выделяются по степени религиозности, заметно обгоняя по этому параметру как демократии, так и авторитарные режимы. Население гибридных режимов в большей степени чем авторитарных демонстрирует интолерантность, а также обладает менее высоким уровнем межличностного доверия (см. рисунок 2).

Рисунок 2

Индексы социокультурных установок населения в разных режимах

Обозначенная специфика массового сознания в гибридных режимах ставит под сомнение некоторые из положений теорий, в которых ценности самовыражения рассматриваются как предпосылки успешной демократизации.

Полученные данные свидетельствуют о том, что при гибридизации политического режима, то есть движения его в сторону частичной демократизации и формирования основных элементов, свойственных соревновательному авторитаризму [Levitsky, Way, 2010; Electoral Authoritarianism, 2006] аттитюды общественного сознания не обязательно эволюционируют в направлении либерально-демократических устремлений. Напротив, режимные трансформации могут создать условия, при которых происходит реанимация авторитарных установок граждан.

Заключение

Одна из главных находок настоящего исследования состоит в том, что население не авторитарных, а гибридных режимов отличается более высоким

уровнем авторитарных установок, а также искаженным представлением о сущности демократического управления. Социокультурные установки населения гибридных режимов имеют наиболее высокий уровень ксенофобии и религиозности. Это позволяет предположить, что развитие общественного сознания обусловлено спецификой режимной среды. Несмотря на наличие сравнительно более широких пространств свободы и высокого уровня политического плюрализма, которые отличают гибридные режимы от полномасштабного авторитаризма, это не обязательно определяет развитие общественного сознания в сторону распространения либерально-демократических ценностей. Напротив, дефекты качества государственного управления и неэффективность экономической политики, свойственные гибридным режимам, способны вызвать массовое разочарование идеалами демократии и привести общественное сознание к авторитарному откату.

Библиография

Известия. – М., 1991. – 18 сентября. – С. 1.

Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton univer. press, 1963. – 576 p.

Beetham D. Democracy: Universality and Diversity // Ethics and global politics. – Järfälla. 2009. – Vol. 2. N 4. – P. 281–296.

Boix C., Stokes S. C. Endogenous Democratization // World politics. – Baltimore, 2003. – Vol.55. – P. 517–549.

Dahlum S., Knutsen C. H. Democracy by Demand? Reinvestigating the effect of self-expression values on political regime type // British journal of political science. – Cambridge, 2015. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1017/S0007123415000447>

Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. – Boulder, CO, London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. – 268 p.

- Hadenius A., Teorell J.* Cultural and Economic Prerequisites of Democracy: Reassessing Recent Evidence // Studies in comparative international development. – Providence, 2005. – Vol. 39, N 4. – P. 87–106.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, cultural change and democracy. The Human Development Sequence. – N. Y.: Cambridge univ. press, 2005. – 344 p.
- Klingemann H. D.* Dissatisfied Democrats: Democratic Maturation in Old And New Democracies // The Civic Culture Transformed / Ed.by R. Dalton, C. Welzel. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. – P. 116–157.
- Kuran T.* Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989 // World politics. – Baltimore, 1991. – Vol. 44, N 1. – P. 7–48.
- Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – 517 p.
- Mattes R.* Public Opinion Research in Emerging Democracies // The Sage Handbook of Public Opinion Research / Ed.by W. Donsbach, M.W. Traugott. – London: Sage, 2007. – P. 113–122.
- Muller E. N., Seligson M. A.* Civic culture and democracy: the question of causal relationships // The American political science review. – Washington, D.C., 1994. – Vol. 88, N 3. – P. 635–652.
- O'Donnell G., Schmitter P.C.* Transitions from authoritarianism. Tentative conclusions about uncertain democracies. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1986. – 81 p.
- Putnam R. D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. – Princeton: Princeton univ. press, 1993. – 280 p.
- Rustow D.* Transitions to Democracy: Towards a Dynamic Model // Comparative politics. – N. Y., 1970. – Vol. 2, N 3. – P. 337–363.

Шкель Станислав Николаевич, доктор политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических

исследований, профессор кафедры Политических наук (Пермский государственный национальный исследовательский университет); профессор кафедры Политологии, социологии и связей с общественностью (Уфимский государственный нефтяной технический университет), Россия.

Эл. почта: stas-polit@yandex.ru

About author:

Stanislav N. Shkel – Center for Comparative History and Politics Studies, Political Science Department (Perm State National Research University) (Perm, Russia); Department of Political Science, Sociology and Public Relation (Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russia), e-mail: stas-polit@yandex.ru